

Обеспечение национальной безопасности России в военной сфере

Правовые проблемы

Валерий Бекетов,
кандидат философских наук

Основой деятельности развитого и цивилизованного государства, а соответственно и его институтов является нормы внутреннего и международного права, с учетом требований которых строится и обеспечивается национальная безопасность страны в военной сфере. Среди основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере военной безопасности особое место занимает создание законодательных основ и правовых норм обеспечения военной безопасности.

Вполне уместно процитировать выводы из анализа ситуации в мире Президентом России В.В. Путиным в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации (май 2006 г.): “Для уверенного, спокойного решения вопросов мирной жизни мы должны найти убедительные ответы на угрозы в сфере национальной безопасности.

На фоне активно идущего переустройства мира появилось множество новых проблем, с которыми реально сталкивается наша страна. Эти угрозы менее предсказуемы, чем прежние, и уровень их опасности в полной мере до конца не осознан.

В целом очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства и, что крайне опасно, его распространению на зону наших жизненно важных интересов.

С учетом всего сказанного военные и внешнеполитические доктрины России также должны дать ответ на самые актуальные вопросы, а именно: как уже в нынешних условиях и совместно с партнерами эффективно бороться не только с террором, но и с распространением ядерного, химического, бактериологического оружия, как гасить современные локальные конфликты, как преодолевать другие, новые вызовы? И, наконец, нужно четко осознавать, что ключевую ответственность за противодействие всем этим угрозам, за обеспечение глобальной стабильности будут нести ведущие мировые державы, обладающие ядерным оружием, мощными рычагами военно-политического влияния”.

Поэтому в современных условиях укрепления российской государственности решающее значение приобретает определение приоритетных национальных интересов Российской Федерации и выделение на этой основе соответствующих внутренних и внешних угроз этим интересам.

В настоящее время решение вопросов, связанных с обеспечением национальной безопасности, выведено на уровень государственных решений, что позволяет в должной мере консолидировать социальные и политические силы в обществе и прогнозировать их дальнейшую перспективу.

Важным направлением деятельности органов государственной власти на современном этапе является укрепление правовых основ обеспечения военной безопасности в форме общеобязательных для исполнения. Таким образом закрепляется единая государственная вертикаль власти и принцип единоначалия в военной сфере.

Выявление и последующее устранение имеющихся пробелов в действующем законодательстве Российской Федерации, относящемся к регулированию правоотношений в указанной сфере, предполагает обзор и оценку имеющейся нормативной базы, ее сравнительный анализ.

Составляющие нормативно-правовую основу обеспечения национальной безопасности нормы права принято классифицировать по различным основаниям. При этом в качестве ведущих критериев чаще всего избираются два:

- принадлежность норм к той или иной отрасли права;
- различие норм по юридической силе в зависимости от их источников¹.

В первом случае выбор критерия отражает необходимость комплексного применения норм государственного, административного, гражданского, уголовного и других отраслей права в области обеспечения национальной безопасности.

Так, нормами государственного права закрепляется система государственных органов, обеспечивающих охрану общественных отношений в сфере национальной безопасности, определяется их правовой статус и компетенция.

С помощью норм административного права, в частности, за счет установления административно-правовых запретов, мер административной ответственности осуществляется исполнительно-распорядительная деятельность органов государственного управления.

Уголовно-правовые нормы позволяют определять степень опасности деяний, наносимый ими ущерб для национальной безопасности при совершении преступлений, составы которых подследственны органам Федеральной службы безопасности.

В вопросах установления материальной ответственности виновных за причинение вреда в рассматриваемой сфере могут применяться и гражданско-правовые нормы.

Классификация правовых норм по данному критерию применительно к вопросам правовых проблем обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в военной сфере представляет несомненный интерес. Однако в рамках настоящей статьи, автор полагал бы, целесообразным сосредоточить внимание на применении второго критерия, с помощью которого нормы права, составляющие нормативно-правовую основу обеспечения национальной безопасности, в том числе в рассматриваемой сфере, можно подразделить на:

- международные правовые акты, определяющие общие принципы взаимоотношений государств и их институтов, соответствие внутреннего законодательства государств общепринятым мировым сообществом нормам;

– конституционные, на базе которых создается весь механизм правового регулирования;

– общегосударственные правовые акты высших органов государственной власти, являющиеся основой административно-распорядительной и уголовно-процессуальной деятельности всех исполнительных органов;

– межведомственные подзаконные акты, регламентирующие координацию и взаимодействие различных министерств и ведомств в области обеспечения национальной безопасности;

– ведомственные подзаконные акты, непосредственно регулирующие и обеспечивающие их функционирование как элемента государственного механизма (их организационное построение, порядок прохождения службы должностными лицами, властные полномочия различных уровней управления и т.д.).

На основании данной классификации возможно выделение правовых норм обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в военной сфере.

Первую группу составляют международные правовые акты (конвенции, хартии, договоры, соглашения).

Отдельную подгруппу международных правовых актов образуют документы, составляющие международную правовую основу противодействия терроризму.

Особое место среди них занимают международно-правовые документы по вопросам предупреждения и пресечения захвата заложников и других террористических актов, в которых закреплено право государств применять меры пресечения данных преступлений.

Наиболее подробно вопросы проведения совместных контртеррористических операций (КТО) разработаны в странах СНГ, которые в рамках международного сотрудничества создали Антитеррористи-

ческий центр стран СНГ и разработали ряд важных документов, регламентирующих порядок проведения совместных КТО на территории данных государств.

Создание полноценной правовой основы борьбы с международным терроризмом, адекватной масштабам этого явления и современным возможностям террористов, является настоятельной необходимостью. Она существенно усиливается в связи с тем, что до настоящего времени не в полной мере искоренена политика “двойных стандартов” ряда зарубежных государств и международных неправительственных организаций в отношении силовых мер по борьбе с терроризмом, применяемых в России. По этой причине одни и те же мероприятия, проводимые Россией, США и другими государствами мира, получают различную оценку².

Эти обстоятельства требуют скорейшего урегулирования на международном уровне вопросов правового регулирования деятельности правоохранительных органов и специальных служб. В частности, к таким неотложным проблемам, подлежащим совместному решению, следует отнести разработку общепризнанных международных стандартов:

– в области обеспечения прав и свобод личности в условиях особых правовых режимов³;

– основания допустимости ограничения прав и свобод личности при угрозе совершения террористических акций;

– основания, порядок введения особого правового режима “внутреннего вооруженного конфликта” и правового режима “контртеррористической угрозы”;

– основания, порядок и сроки информирования международной общественности о допущенных отступлениях от норм международного права;

– основания, порядок проведения контртеррористических операций на

территории иностранных государств.

Являясь правопреемником международных соглашений, заключенных СССР в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, Российская Федерация в настоящее время является участником более 60 таких соглашений, в том числе в области оказания гуманитарной помощи, которые могут применяться и при совершении террористических акций.

Вторую группу правовых норм, образуют конституционные нормы права.

Они обладают высшей юридической силой, на их основе формируется и осуществляется весь механизм правового регулирования.

В Конституции содержится целый ряд норм, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

Так, например, ст. 13 Основного закона запрещает создание и деятельность на территории нашего государства общественных объединений, имеющих направленность на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание НВФ, а также разжигание какой-либо розни.

Значение этой нормы трудно переоценить, так как внутренний вооруженный конфликт в Чеченской Республике наглядно демонстрирует во многом противоправный характер функционирующих под эгидой целого ряда общественных объединений разнообразных религиозных и просветительских организаций различного толка.

Третья группа правовых норм, содержит общегосударственные правовые акты высших органов государственной власти (федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ).

Международный опыт свидетельствует, что в большей или меньшей степени разработанности каждое государство имеет свою собственную систе-

му законодательства, рассчитанную на различные чрезвычайные обстоятельства, локализация и ликвидация которых требует применения наряду с другими и силовых форм и способов действий.

События последних лет показали, что в условиях нестабильной социально-экономической обстановки, опасности проведения экстремистскими силами на территории Российской Федерации новых крупномасштабных террористических акций эффективность правового регулирования тесно связана с необходимостью совершенствования правового регулирования процесса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в целом с развитием систем управления отдельными видами безопасности, а также систем управления органами государственной власти в чрезвычайных, кризисных ситуациях и иных условиях.

В то же время для обеспечения прав и свобод Конституция Российской Федерации специально оговаривает, что ограничения некоторых, наиболее важных из них, допускаются только на основании федерального закона и с санкции суда (ч. 1 ст. 56). Таким образом, Конституция однозначно ориентирована на обеспечение прав и свобод человека согласно положениям действующих международно-правовых норм.

Одним из важнейших выводов, который может быть сделан, является понимание того, что реагирование на кризисные и иные чрезвычайные обстоятельства нельзя рассматривать только как деятельность по ликвидации проявлений тех или иных угроз безопасности. Приоритетное значение имеют предотвращение и нейтрализация угроз безопасности на ранних стадиях развития конфликтных отношений, заблаговременное создание организационного механизма антикризис-

ного управления, разработка и своевременная реализация эффективных мер по урегулированию и разрешению конфликтного противоборства, доходящего нередко до крайней формы – вооруженного конфликта.

Правовое регулирование в этих условиях может идти по двум взаимосвязанным направлениям:

во-первых, в рамках особых правовых режимов, вводимых для обеспечения принимаемых государством мер по восстановлению конституционного порядка и безопасности, опираясь на правовые нормы;

во-вторых, за счет непосредственной регламентации их на законодательном уровне.

В действующем законодательстве эти вопросы пока не решены. Нет норм права, в которых были бы даны соответствующие понятия и определения. Не сформулированы стратегия, принципы и методы такой деятельности, не определена система необходимых для этого сил и средств.

Учитывая неготовность общественного мнения к ограничению прав и свобод граждан при нарастании степени угрозы безопасности личности, обществу и государству с применением силовыми структурами государства адекватных мер борьбы с насильственными посягательствами на национальную безопасность, представляется правомерным их регулирование в этих условиях, именно на законодательном уровне.

Такой вывод основывается на опыте предупреждения и пресечения террористических акций, имевших место в 1999–2006 гг. на территории России. Этот опыт свидетельствует, что система национальной безопасности Российской Федерации пока не полностью справляется с постоянным ростом источников опасностей, выработкой ре-

шений по своевременному выявлению и блокированию такого рода угроз.

Основная причина такого положения – низкая эффективность взаимодействия органов управления и сил обеспечения безопасности, существенный разрыв в правовом обеспечении функционирования системы обеспечения национальной безопасности в повседневных условиях и пока еще несовершенной системы управления государственным механизмом в кризисных и конфликтных ситуациях, действиями органов исполнительной власти при пресечении крупномасштабных актов терроризма и иных насильственных посягательств на конституционный строй.

Показательными в этом смысле представляются отзывы специалистов Главного правового управления Администрации Президента РФ и Правового управления Правительства РФ на проект федерального закона "О противодействии терроризму", а также дискуссия среди депутатов Государственной Думы, состоявшаяся в феврале 2006 г. при его обсуждении.

Возражение депутатов вызвало включение в проект закона нормы, предусматривающей ограничение ряда прав и свобод граждан при введении нового для российского законодательства административно-правового режима – "режима контртеррористической опасности".

Посчитав, что такие ограничительные правовые нормы являются составной частью правовых установлений режима чрезвычайного положения, депутаты исключили их из проекта.

Одновременно из поля правового регулирования выпали другие меры, предложенные в проекте закона применительно к введению режима контртеррористической опасности, а именно меры, направленные на повышение уровня готовности сил и средств общегосударственной системы противодействия терроризму при получении (поступлении) информации о готовящемся преступлении.

В законодательстве США и в других зарубежных странах довольно под-

робно регламентируются действия сил специальных операций.

Деятельность спецслужб и армейских органов управления в кризисных ситуациях также находит отражение в подзаконных нормативных правовых актах. Характерно, что существенное место в данных документах отводится вопросам правовой защищенности и поддержанию дееспособности сил обеспечения правопорядка по недопущению и срыву готовящихся актов терроризма⁴.

Анализ в рассматриваемой сфере правоотношений показывают, что недостаточная результативность деятельности государственных структур, участвующих в обеспечении национальной безопасности, во многом объясняются отсутствием системности в разработке правовых основ регулирования и разрешения существующих в российском обществе противоречий, прежде всего, способных принять форму социально-политических кризисов и конфликтов.

В нормативных правовых актах по вопросам национальной безопасности (таких, например, как Закон Российской Федерации "О безопасности", Концепция национальной безопасности Российской Федерации) проблемы управления безопасностью в условиях социально-политических кризисов и конфликтов практически не рассматриваются. В ряде законодательных актов данные вопросы связываются преимущественно с механизмом обеспечения особых правовых режимов (режима чрезвычайного положения и режима военного положения), в которых только перечисляются задачи и отдельные функции органов исполнительной власти в исполнительный период.

Постепенно в Российской Федерации сложилась практика создания автономных систем управления деятельностью органов исполнительной власти, предназначенных для предупреждения

и нейтрализации отдельных угроз безопасности.

Примерами таких систем являются Единая общегосударственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера; система управления органами исполнительной власти при проведении контртеррористических операций.

При всей положительной направленности создаваемых систем управления нельзя не отметить их ограниченный характер, а также отсутствие прочной правовой основы деятельности органов исполнительной власти, призванных обеспечить в этих условиях безопасность граждан и защиту конституционного строя страны.

В настоящее время к числу чрезвычайных правовых режимов обеспечения национальной безопасности, закрепленных в действующих законодательных актах, можно отнести:

- правовой режим чрезвычайного положения;

- правовой режим военного положения;

- специальный правовой режим в зоне проведения контртеррористической операции;

- правовой режим чрезвычайной ситуации Единой общегосударственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.

Названные законодательные акты образуют особую группу нормативных правовых актов в системе российского законодательства, что послужило основанием отнесения их некоторыми юристами к так называемому "чрезвычайному законодательству".

Отличительной особенностью такого законодательства является его направленность на правовое урегулирование отношений, возникающих при наступле-

лении определенного рода экстраординарных, экстремальных, чрезвычайных и иных особых обстоятельств.

Характеризуя “чрезвычайное законодательство”, А.В.Милехин отмечает, что оно основывается на соответствии нормам международного права, является составной частью обычного законодательства и базируется на нем, обладает системным характером, вступает в силу на определенный срок при наступлении чрезвычайных ситуаций мирного или военного времени, предусматривает ограничение конституционных прав и свобод определенно-го вида субъектов права.

В целом, можно согласиться с идеей выделения в действующем законодательстве особой группы правовых актов, регламентирующих вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства при наступлении особых (чрезвычайных) обстоятельств. Однако нельзя не заметить при этом наметившийся в последние годы в юридической теории и практике несколько суженный подход к решению данной проблемы.

Во-первых, как указывалось выше, при оценке “чрезвычайных” правовых актов большинство исследователей отмечают, прежде всего, ограничительный характер вводимых на определенный период правовых норм в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Данное обстоятельство закреплено и в основополагающих правовых актах, связанных с обеспечением чрезвычайных правовых режимов (чрезвычайного положения и военного положения). И это вполне правомерно, так как Конституция РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в любых условиях обстановки.

Однако такие ограничения не являются целью введения названных выше

правовых режимов и не выражают их сущность.

К таким целям в указанных выше правовых актах отнесены – устранение обстоятельств, послуживших основанием для их введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защита конституционного строя Российской Федерации (ст.2 ФКЗ “О чрезвычайном положении”), а также создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации (ст. 1 ФКЗ “О военном положении”). При этом Закон о чрезвычайном положении допускает возможность компетентным органам вводить отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возлагать на них дополнительные обязанности.

Однако из этого вовсе не следует императивность введения подобного рода ограничений. В зависимости от складывающейся в зоне действия режима чрезвычайного положения ситуации перечень вводимых режимных ограничений может быть значительно сужен по сравнению с комплексом мер, закрепленном в Законе о чрезвычайном положении.

Во-вторых, сравнительный анализ положений, закрепленных в ст. 2 и гл. 3 Закона “О чрезвычайном положении”, показывает, что его содержание не в полной мере отражает заявленную цель.

В гл. 3 Закона, названной “Меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения”, излагаются в основном меры по обеспечению правового режима чрезвычайного положения, которые именуются в юридической теории как “обеспечительные” меры. В то же время конкретные мер уполномоченных органов, направленных на подавление вооруженного мятежа, ликвидацию и нейтрализацию социальных конфликтов, пресечение попыток насильственного изменения конституционного строя Российской

Федерации и других насильственных посягательств, явившихся основанием для введения режима чрезвычайного положения (п. "а" ст. 3 ФКЗ), данный федеральный конституционный закон не предусматривает.

Только в п.п. "в" и "г" ст. 17 говорится о том, что Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы выполняют задачи по разведению противоборствующих сторон, участвующих в конфликтах, сопровождающихся насильственными действиями с применением оружия, боевой и специальной техники, а также привлекаются для участия в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований (НВФ).

В-третьих, юридический анализ формулировок названных выше п.п. "в" и "г" ст. 17 ФКЗ "О чрезвычайном положении" свидетельствует, что правовые основания применения государством военной силы прописаны совершенно неконкретно. Они не придают действиям должностных лиц правоохранительных органов и военнослужащих действенную правовую основу. Закон должен содержать юридически выверенные положения, которые предоставляют в строго установленных случаях правоохранительным органам и военнослужащим право применять физическую силу, специальные средства, оружие, боевую и специальную технику, в том числе и для крайних форм пресечения их деятельности.

В-четвертых, в законе "О чрезвычайном положении" не решена проблема правового статуса органов особого управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение.

Из смысла положений ст.ст. 22–26 вытекает, что к таким органам передаются полностью или частично полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (временный специальный орган управления) или они могут осуществлять функции органов государствен-

ной власти субъекта Российской Федерации (федеральный орган управления).

Названные органы наделяются также дополнительными полномочиями по обеспечению режима чрезвычайного положения.

При этом в ст. 26 Закона указывается, что органы особого управления вправе издавать в пределах своих полномочий обязательные для исполнения на соответствующей территории приказы и распоряжения, но только по вопросам обеспечения режима чрезвычайного положения.

Организации, должностные лица и граждане обязаны оказывать всемерную поддержку этим органам и выполнять приказы и распоряжения по этим вопросам.

Такая конкретизация нормативно-правовых актов, издаваемых органами особого управления, по существу отрицает возможность объявления ими правовых актов по реализации полномочий органов власти субъекта Российской Федерации для нормализации обстановки в предусмотренных ст. ст. 24 и 25 случаях.

В первую очередь, это относится к экономической сфере, обеспечению жизнедеятельности населения.

В Законе не приводится перечень нормативно-правовых актов, которые уполномоченные органы вправе издавать по вопросам, относящимся к полномочиям субъекта Российской Федерации. Не ясен также вопрос: вправе ли такие органы издавать иные нормативные правовые акты, не относящиеся к обеспечению режима чрезвычайного положения.

Введя правовую норму, предусматривающую формирование в случае необходимости федерального органа управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение, законодатель не наделил данный орган полномочиями, которыми он должен обладать как федеральный орган исполнительной власти. При этом следует учитывать, что в обеспечении режима чрезвычайного положения и восстановлении конституционного порядка и

безопасности, реализации хозяйственных, социальных, других функций и задач принимают участие различные федеральные органы исполнительной власти.

Вполне очевидна потребность надления такого органа полномочиями, характерными именно для федерального органа исполнительной власти, уполномочивающего его не только координировать, но и управлять деятельностью всех органов исполнительной власти федерального и регионального уровня, действующих в зоне чрезвычайного положения. Представляется, что перечень таких полномочий временных органов управления должен быть закреплен специальным законом и в зависимости от характера развития обстановки в регионе конкретно определяться в Положении, утверждаемом Президентом Российской Федерации, как это указывается в ст.ст. 24–25 Закона.

Целесообразно также возложить на органы особого управления территории, на которой введено чрезвычайное положение, ответственность за реализацию мер по пресечению актов терроризма, иных насильственных посягательств на конституционный строй, обеспечение жизнедеятельности населения в зоне чрезвычайного положения.

В-пятых, для обеспечения действенного управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение, требует уточнения правовой статус ответственных должностных лиц органов особого управления: руководителя органа особого управления, военного коменданта, руководителя объединенного оперативного штаба. В законе “О чрезвычайном положении” не определены меры, которые вправе применять руководитель органа особого управления по урегулированию конфликтной ситуации социально-политического характера.

Применительно к урегулированию социальных конфликтов Закон не пре-

дусматривает возможности использования для стабилизации общественно-политической обстановки в зоне чрезвычайного положения мер, применяемых для ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, предусмотренных п.п. “в”, “г”, “д” ст. 13.

Следует отметить, что для восстановления конституционного порядка и безопасности в зоне проведения контртеррористических операций на территории Чеченской Республики органы исполнительной власти были вынуждены использовать ряд таких мер. В частности, привлекать ресурсы государственного материального резерва и других организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменять характер производственно-хозяйственной деятельности предприятий и режим их работы, переориентировать указанные предприятия на производство необходимой в сложившихся условиях продукции.

К другим важным мерам, применение которых также целесообразно и в условиях социальных конфликтов, можно отнести: отстранение от работы на период действия режима чрезвычайного положения руководителей государственных организаций в связи с ненадлежащим исполнением указанными руководителями своих обязанностей и назначение других лиц временно исполняющими обязанности указанных руководителей; отстранение от работы на период действия чрезвычайного положения руководителей негосударственных организаций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими мер по запрещению забастовок и иных действий в целях приостановления или прекращения деятельности организаций (п.п. “г”, “д” ст. 13 Закона).

В-шестых, из содержания ст. 19 закона “О чрезвычайном положении” не усматриваются полномочия создавае-

мого для координации действий сил и средств, обеспечивающих режим чрезвычайного положения, объединенного оперативного штаба в реализации мер по пресечению угроз национальной безопасности.

Исходя из сложившейся практики возложения руководства объединенным оперативным штабом по управлению контртеррористической операцией на представителя ФСБ России или МВД России (в зависимости от сферы компетенции, к которой относится разрешение возникшей ситуации), не со-

всем ясна необходимость его образования в составе комендантуры и назначения в качестве руководителя объединенного оперативного штаба коменданта территории.

В целом же можно согласиться с мнением ряда авторов, считающих, что сам по себе закон “О чрезвычайном положении” не может устранить причины чрезвычайных обстоятельств. Это вызывает необходимость законодательного урегулирования социальных противоречий, приобретающих форму насильственных конфликтов.

Подводя итог изложенным выше выводам, необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование во многом зависит от проблемы введения или нет того правового режима, который должен соответствовать характеру угроз и опасностей, возникающих в этот период.

При этом следует учитывать, что в некоторых субъектах Российской Федерации “чрезвычайное законодательство” не может быть применено в ситуациях, когда острота возникших социально-политических и социально-экономических противоречий, масштабы насильственных посягательств на жизненно важные интересы личности, общества и государства уже достигли критического уровня, который может служить основанием для введения режима чрезвычайного положения, однако, по тем или иным причинам и, прежде всего, политическим введение такого режима нецелесообразно.

В то же время наличие реальных, непосредственных насильственных посягательств и угроз требует от правоохранительных органов и других силовых структур незамедлительных действий по их нейтрализации. Именно такая обстановка складывалась в Чеченской Республике в 1994–1996 гг. и в 1999–2001 гг., когда действия российских силовых структур по существу оказались в “внеправовом” пространстве.

Примечания

- ¹ *Туманов Г.А., Фризко В.И.* Общественная безопасность и ее обеспечение в экстремальных условиях // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 19–27.
- ² *Иванов С.Б.* Россия НАТО: стратегические партнеры перед лицом новых угроз // Право и безопасность. 2004. № 3. С. 47–52.; *Максимов О.М.* Права человека в современной России // Власть. 2003. № 10. С. 6–7.
- ³ *Пчелинцев С.В.* Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М., 2006. С. 415.
- ⁴ Свод законов США П. 1 § 5122 ст. 42; закон США “О внутренней безопасности”; закон Великобритании “Об общественном порядке”; закон Франции “О свободе прессы”; закон США “О контроле над преступностью и общественной безопасностью”; закон Великобритании “О предотвращении терроризма”; закон Канады “О чрезвычайном положении”.